
С. А. НЕФЕДОВ

ПЕТР I: БЛЕСК И НИЩЕТА МОДЕРНИЗАЦИИ

В статье рассматриваются реформы Петра I с позиций технологической интерпретации истории, разрабатываемой Д. Даймондом и У. Мак-Нилом и имеющей много общего с теорией культурных кругов и теорией военной революции. Показано, что реформы Петра I следовали общей схеме, описываемой в рамках этих теорий: фундаментальная военная инновация (в данном случае – создание облегченного мушкета со штыком и линейной тактики) вызывает волну завоеваний, и страны, которым угрожает нашествие, вынуждены спешно перенимать сначала военную технику и организацию, а затем промышленную, административную и отчасти социальную систему страны-агрессора. Через некоторое время, однако, наступает период традиционалистской реакции, и результаты реформ в значительной степени оказываются утраченными.

Ключевые слова: реформы Петра I, военная революция, теория культурных кругов, диффузия инноваций, модернизация, традиционалистская реакция.

Я надеюсь, что мне удалось убедить вас, читателей, что история, вопреки циничному афоризму, это не «перечисление фактов и ни черта больше». У истории действительно есть общие закономерности, и пытаться найти им объяснение – занятие не только плодотворное, но и увлекательное.

Д. Даймонд

Технологическая интерпретация истории

Последние десятилетия XX века отмечены новым оживлением макроисторических исследований, новыми попытками широкого исторического синтеза. Среди известных историков, пытающихся объяснить мир, почетное место занимают Уильям Мак-Нил и Джаред Даймонд. Труды этих выдающихся ученых посвящены проблеме возникновения и распространения важнейших технологических инноваций; они описывают исторический процесс как процесс

освоения людьми новых технологий – предлагают «технологическую интерпретацию истории».

В общем смысле технологическая интерпретация истории является вариантом диффузионизма, в ее основе лежит теория культурных кругов – историко-этнологическая концепция, весьма популярная в 1920-х и 1930-х годах. Создатель этой концепции Ф. Гребнер считал, что сходные явления в культуре различных народов объясняются происхождением этих явлений из одного центра (Graebner 1911). Последователи Гребнера полагают, что важнейшие элементы человеческой культуры возникают лишь однажды и лишь в одном месте в результате великих, *фундаментальных* открытий. *Фундаментальными* считаются открытия, позволяющие расширить экологическую нишу этноса. Это могут быть открытия в области производства пищи, например domestикация растений, позволяющая увеличить плотность населения в десятки и сотни раз. Это может быть *новое оружие*, позволяющее раздвинуть границы обитания за счет соседей. Эффект открытий таков, что они дают народу-первооткрывателю решающее преимущество перед другими народами. Используя эти преимущества, народ, «избранный Богом», начинает расселяться из мест своего обитания, захватывать и осваивать новые территории. Из центра новой цивилизации распространяется *волна завоеваний*. Прежние обитатели завоеванных территорий либо истребляются, либо вытесняются пришельцами, либо подчиняются им и перенимают их культуру. Народы, находящиеся перед фронтом наступления, в свою очередь, стремятся перенять оружие пришельцев – происходит диффузия фундаментальных элементов культуры, они распространяются во все стороны, очерчивая *культурный круг*, область распространения того или иного фундаментального открытия.

Даймонд приводит поразительный пример быстрого распространения завоевательно-диффузионной волны. «Одно из племен Новой Зеландии, нгапухи, благодаря европейским торговцам в 1818 году обзавелось мушкетами. Следующие 15 лет Новую Зеландию сотрясали так называемые “мушкетные войны”, в ходе которых еще не вооружившиеся новым оружием племена либо быстро его осваивали, либо поработались племенами, у которых оно уже было. В результате к 1833 году... все выжившие племена были племенами, научившимися стрелять» (Даймонд 2009: 323).

Волна заимствований, вызванная распространением нового оружия, носит сложный характер и состоит из ряда социально-

экономических и культурных преобразований, следующих друг за другом в определенной последовательности. Сначала заимствуется собственно оружие, затем – военная организация и военная промышленность (или ремесло). Это необходимые первоочередные заимствования, без которых государство не сможет противостоять завоевателям. Затем круг заимствований расширяется, охватывая те области социальной системы, которые связаны с военной организацией и военной промышленностью – вплоть до полной перестройки социальной системы по образцу победоносных завоевателей. Эти преобразования можно отнести к заимствованиям второй очереди. В некоторых случаях традиционная социальная система оказывается достаточно гибкой и приспособливается к изменениям в военной сфере без полной социальной перестройки, поэтому заимствования второй очереди не являются безусловно необходимыми. Наконец, к заимствованиям третьей очереди относятся трансформации в области культуры, быта, одежды, обычаев, в словопотреблении и языке. Они, безусловно, не являются необходимыми, и их мотивы обычно носят чисто психологический характер: завоеватели и победители автоматически считаются истинными носителями «цивилизации» и «культуры», и поэтому им якобы необходимо подражать в быту. Среди сторонников традиций подражание иноземцам и иноверцам всегда вызывает реакцию отторжения – *традиционалистскую реакцию*. Реакция тем сильнее, чем более расширяется круг заимствований. Перенимание чуждых традиций в области культуры, быта, одежды, языка означает культурную ассимиляцию, утрату национальных признаков, поэтому эти третьеочередные и необязательные заимствования вызывают особенно ожесточенный отпор. В этих случаях традиционалистская реакция может вызвать восстания и привести к отторжению многих заимствованных элементов и частичной реставрации традиционного общества.

В любом случае, однако, новые социальные и культурные элементы не перенимаются в чистом, неизменном виде. В конечном счете происходит *социальный синтез* традиционных и заимствованных институтов, порождающий новую культуру и новое общество. В приложении к XVIII–XIX векам, когда процесс диффузии состоял в перенимании европейской культуры, часто говорят о *модернизации*. Этот термин более широкого плана обычно используется преимущественно как синоним зарождения и распространения индустриальной цивилизации. Модернизация не всегда связана с диффузией (пример – Англия эпохи промышленного переворота),

но в конкретных условиях России XVIII века имела место «диффузионная» модернизация, поэтому в работах А. Б. Каменского и А. Н. Медушевского петровские реформы характеризуются одновременно как модернизация и европеизация (Каменский 1999: 155; Медушевский 1993: 78).

Военная революция XVII века

В контексте европейской истории XVII–XVIII веков концепция технологической интерпретации истории смыкается с хорошо известной теорией «военной революции» XVII века. Теория военной революции была создана сорок лет назад известным английским историком М. Робертсом – он считал, что перемены в социальной и политической жизни Европы были порождены теми фундаментальными открытиями в военном деле, которые вызвала деятельность шведского короля Густава Адольфа (1611–1632) (Roberts 1967: 195). Главным достижением шведского короля было создание легких полковых пушек, которые можно было перевозить по полю боя. Появление нового оружия повлекло за собой перемены в комплектовании и организации войск, на смену немногочисленным набираемым на время войны наемным армиям пришли регулярные постоянные армии. Как полагал Робертс, военная революция изменила весь ход истории Европы. Появление регулярных армий означало необходимость перестройки финансовой системы, необходимость увеличения налогов, что вело к росту бюрократии и усилению королевской власти – к рождению европейского абсолютизма (*Ibid.*: 195–216).

Фундаментальные военные инновации Густава Адольфа вызвали волну шведских завоеваний. В 1630 году шведские войска высадились в Германии, а год спустя в битве при Брейтенфельде шведские пушки расстреляли армию императора Фердинанда II. Шведы стали хозяевами Центральной Европы, за двадцать лет войны было сожжено 20 тыс. городов и деревень и погибло две трети населения Германии. Распространявшаяся по Европе волна завоеваний вызвала волну диффузии – столкнувшиеся со шведами народы стремились как можно быстрее перенять новое оружие завоевателей. После разгрома в 1656 году под Ригой царь Алексей Михайлович приступил к созданию регулярной армии, состоявшей из полков «иноземного строя»; эта армия была вооружена полковыми пушками, хотя русские пушки были не такими легкими, как шведские (Нефедов 2004: 44–52).

Начиная с XVII века крупные военные инновации в Европе следовали одна за другой: вслед за появлением легких пушек наступил новый этап военной революции – появились мушкет с кремневым замком (фузея) и штык. Появление нового оружия повлекло за собой изменение военной тактики и военной организации. На смену тактике плотных колонн-«баталий», в которых мушкетеры были перемешаны с пикинерами, пришла линейная тактика, предполагавшая отказ от использования пикинеров и построение мушкетеров в 4–6 линий. Первой (в 1684 году) отказалась от использования пикинеров австрийская армия; австрийская пехота освоила огневой бой, при котором линии останавливались на дистанции огня и вели попеременный огонь. Шведская пехота сохранила пикинеров в первой линии, и после первого залпа шведы бросались в стремительную штыковую атаку (Гуннар 1999: 167–168; Леонов, Ульянов 1995: 9; Пузыревский 1889: 66).

Австрийцы первыми пожали плоды линейной тактики: предводимые Евгением Савойским, они в 1697 году разгромили турок в сражении при Зенте и затем в союзе с англичанами одержали верх в войне за австрийское наследство. В результате этих побед была завоевана Венгрия, Бельгия и часть Италии, территория Габсбургской монархии увеличилась более чем вдвое, а Евгений Савойский стал самым знаменитым полководцем того времени. Таким образом, новое фундаментальное открытие породило волну австрийских завоеваний и привело к рождению огромной империи Габсбургов.

На севере Европы первой армией, усвоившей линейную тактику, была шведская. По-прежнему обладавшие лучшей в Европе артиллерией шведы приобрели новые военные преимущества над соседями и с легкостью одерживали победы, подобные победе под Нарвой. Перед Россией – уже не в первый раз – нависла угроза оказаться побежденной в «мушкетных войнах», и в соответствии с закономерностями, о которых пишет Даймонд, единственный выход заключался в быстром копировании сначала оружия и военной организации, а затем административного устройства и абсолютистских порядков Швеции.

Феномен Петра I: голландский моряк на русском троне

Вокруг реформ Петра Великого уже три столетия ведутся оживленные споры. Одни историки (например, С. М. Соловьев) признают их кардинальным переворотом, «революцией», другие

(П. Н. Милюков) отказываются называть их реформами, ибо «хозяйничанье изо дня в день не представляет собой ничего похожего на реформу» (Милюков 1905: 123). Сложность восприятия петровского времени заключается в том, что в преобразованиях Петра было много внешнего, и такие мероприятия, как принудительное бритье бород и резание рукавов кафтанов, производили на общество большее впечатление, чем создание новой армии и флота. Будучи определены в своей основе глубинными историческими процессами, преобразования Петра в то же время представляют собой пример действия механизма диффузии, который в конечном счете работает через личные связи конкретных людей и поэтому в некоторой степени зависит от сочетания случайных событий. (Более подробное описание механизма диффузии можно найти в работе Е. В. Алексеевой [2007].) Действие случайных и личностных факторов объясняет то обстоятельство, что в поступках царя было много психологического и иррационального; они не всегда соответствовали традиционному образу «царя-преобразователя».

Формирование личности Петра протекало в необычных условиях. Волею случая он был отторгнут из дворцовой кремлевской среды, о его образовании никто не заботился, и сцепление странных обстоятельств привело к тому, что его воспитателями стали не московские попы и дьяки, а голландские матросы и плотники – Тиммерман и Брант. Эти люди сделали из русского царя матроса и плотника; юный Петр перенял у них страстную любовь к морю и плотницкому делу, он позаимствовал простонародные голландские манеры, голландскую одежду и страсть к табаку (Водарский 1993: 63). В то же время он оказался лишен того, что считалось необходимыми качествами русского царя: набожности, православной образованности, уважения к церкви и национальным традициям; до двадцати двух лет Петр вообще не занимался государственными делами, проводя время за строительством яхт и в военных потехах. У него появились новые друзья и воспитатели – офицеры из Немецкой слободы, среди них полковник Лефорт, который приучил Петра к неумеренной выпивке и свел его со своей любовницей Анной Монс, а также генерал Гордон, которому Петр был обязан любовью к артиллерии и к фейерверкам. Когда Петру было уже 25 лет, царь признался принцессе Ганноверской Софии, что его настоящей страстью являются мореплавание и фейерверки. *«Если бы он получил лучшее воспитание, это был бы превосходный человек»*, – отметила принцесса София (Богословский 1946: 117–118).

При всей случайности обстоятельств юности Петра нельзя не признать, что во влиянии, оказываемом на царя его окружением, сказывалась сила технического превосходства Европы. За увлечением артиллерией стояли маневры в Кожухове, на которых Гордон продемонстрировал царю новую линейную тактику в сочетании с применением «полковых пушек». В любви к строительству кораблей проявлялось влияние другого фундаментального открытия Запада – именно тогда, в XVII веке, создание совершенных океанских парусных кораблей, флейтов, заложило основу торгового превосходства Голландии и Англии. Однако юный Петр не отделял главного от второстепенных деталей – и короткие голландские штаны для него были таким же символом превосходства Европы, как океанский корабль.

Голландская одежда Петра, его постоянное общение с иностранцами, пренебрежение официальными и религиозными церемониями – все это вызывало ропот и возмущение в народе. Патриарх Иоаким в своем завещании убеждал царя избегать общения с еретиками-протестантами, отказаться от иностранных одежд и обычаев. Когда после смерти Иоакима вопреки царю Святейший собор выбрал новым патриархом Адриана, Петр создал свой «всепьянейший собор», избравший «князя-папу», и принялся непристойным образом пародировать церковные процессии. Современные историки с недоумением отмечают, что хмельное существование «всепьянейшего собора», созданного, когда царю было восемнадцать, продолжалось до конца царствования Петра – и зрелый человек, ставший уже императором, предавался грубому шутовству, как если бы он был все тот же необузданный юнец (Богословский 1946: 181, 199).

О том, до какой степени Петр пренебрегал московскими традициями, говорит его поведение после Азовского похода: в триумфальной процессии Петр в одежде голландского моряка шел пешком вслед за роскошной каретой Лефорта – это вызвало ропот в толпе и было расценено как унижение царского достоинства.

Поездка в Европу

После взятия Азова царь решил строить большой флот на Азовском море и послал 50 дворян за границу учиться морскому делу. Весной 1697 года с той же целью в составе посольства поехал за границу – в Саардам, где были расположены знаменитые голландские верфи, – и сам Петр. Он был настолько увлечен своими мечтами, что, подъехав к Рейну, бросил посольство, нанял маленькую

лодку и пустился вниз по реке к верфям, даже не остановившись в голландской столице. Царь устроился плотником на верфи, но его инкогнито было вскоре раскрыто, и ему пришлось перебраться на верфи в Амстердаме, а потом – в Англию, где он строил корабли в Дептфорде. Поведение русского царя многим казалось странным: было очевидно, что он занимается не царским делом. «Он создан природой скорее затем, чтобы стать корабельным плотником, чем великим правителем, – записал после встречи с Петром епископ Бернет. – Овладение этим ремеслом и являлось главным его занятием, пока он здесь находился» (цит. по: Масси 1996, т. I: 339).

Хотя молодой царь смотрел на мир глазами моряка и плотника – или, может быть, благодаря этому, – Амстердам и Лондон произвели на него огромное впечатление. С этого времени в душе Петра поселилась мечта по мере возможности превратить Россию в Голландию, и главное – построить свой Амстердам, город кораблей, каналов и многоэтажных каменных зданий. Во время пребывания Петра в Амстердаме роль гостеприимного хозяина исполнял бургомистр и один из директоров Ост-Индской компании Николас Витсен. Витсен – известный ученый-географ, побывавший в России и создавший карту Северной Азии, и очевидно, что его академический интерес подпитывался стремлением компании к поиску новых рынков. Еще в 1690 году Витсен послал царю свою карту и книгу о «Северной и Восточной Татарии» и предложил организовать совместную торговлю с Персией и Индией по каспийскому торговому пути. Видимо, под влиянием Витсена царь проникся идеей дальних торговых плаваний и включения России в мировую торговлю. Витсен составил для Петра «культурную программу», предусматривавшую беседы с купцами, посещение порта, мануфактур, мастерских, музеев и лабораторий крупных ученых. Петр некоторое время изучал анатомию и хирургию у профессора Рюйша и учился рисованию у знаменитого Шхонебека. В Англии Петр основательно освоил черчение и необходимые для кораблестроителя элементы математики и механики. Все это существенно расширило кругозор Петра, и он вернулся из поездки с большим багажом знаний (Белов 1966: 69, 72; Масси 1996, т. I: 296–298, 300–302, 366–367).

Петр ознакомился и с гуманитарными аспектами европейской жизни. Он побывал в британском парламенте, познакомился с лидером квакеров Уильямом Пенном и некоторое время аккуратно посещал молитвенные собрания квакеров в Дептфорде. О том, сколь глубокое впечатление произвели на царя эти собрания, сви-

детельствует то, что позднее, в 1716 году, он говорил Меньшикову: всякий, кто сумеет следовать учению квакеров, обретет счастье (Масси 1996, т. I: 341).

Стрелецкий бунт

Когда Петр находился в Вене, гонцы из России доставили ему известия о стрелецком бунте. Осенью 1697 года четыре полка охранявших Азов московских стрельцов получили приказ идти к польской границе. Стрельцы были недовольны: им не платили жалованье и не дали зимних квартир – даже помимо других причин этого было достаточно, чтобы ненавидеть командовавших ими немецких офицеров. Между тем демонстративная дружба Петра с «немцами» уже давно вызывала ропот: «Попутали молодого царя еретик Францко Лефорт и немка Монсова». 6 июня 1698 года стрельцы подняли бунт; вожаки кричали: «Идти к Москве! Немецкую слободу разорить и немцев побить за то, что от них православие закоснело, бояр побить... а государя в Москву не пустить и убить за то, что сложился с немцами!» (цит. по: Соловьев 1991: 545).

Очевидно, это было проявление *традиционалистской реакции* на демонстративную дружбу царя с немцами, на ношение иноземной одежды и богохульные попойки в Немецкой слободе. Речь не шла об оппозиции реформам – неразумное с рациональной точки зрения поведение Петра спровоцировало восстание еще до начала реформ. Жестокое усмирение восстания и показательные казни более тысячи стрельцов свидетельствовали о том, что царь не склонен прислушиваться к голосу оппозиции, что он намерен «цивилизовать» Россию самыми суровыми методами.

Первые реформы

Однако преобразования, начатые Петром по возвращении на родину, поначалу носили эмоциональный и поверхностный характер. Были изданы указы о бритье бород и запрещении носить русскую одежду, о переносе празднования Нового года на 1 января. Реформы такого рода относятся к заимствованиям третьей очереди и следуют обычно в заключительной фазе преобразований, после того как осуществлены главные заимствования, касающиеся техники и общественных отношений. В то же время они наиболее болезненно воспринимаются обществом, потому что символизируют собой отказ от основных жизненных традиций. В 1766 году в аналогичной ситуации в Испании запрет ношения сомбреро вызвал

большое народное восстание, и возмущенные толпы едва не взяли штурмом королевский дворец. Указ Петра также вызвал восстание, но не сразу, – в 1705 году против «немецкого платья» вспыхнул бунт в Астрахани.

«Обратный порядок» преобразований, когда заимствования третьей очереди (вовсе не обязательные) идут впереди первоочередных, был следствием неспособности отделить второстепенное от главного, следствием юношеского максимализма Петра, который наложил свой отпечаток на весь процесс преобразований.

Первоочередная реформа армии началась через год после возвращения Петра, когда приехавший из Австрии майор А. Вейде подготовил новый воинский устав под названием «Краткое обыкновенное учение». К осени этого года из новобранцев было сформировано 27 полков, вооруженных фузеями со штыками и обученных линейной тактике в ее австрийском стрелковом варианте (Бескровный 1958: 22–23; Соловьев 1991: 27). Саксонский генерал Ланген, видевший русскую армию до Нарвы, находил ее превосходной по составу: люди все были рослые, молодые, исправно обмундированные и обученные стрельбе так хорошо, что не уступали немецким полкам (цит. по: Князьков 1990: 68). Таким образом, первоочередная задача заимствования фундаментальных военно-технических достижений была решена достаточно быстро, и для этого не нужно было воевать со шведами. Решение этой задачи было облегчено тем, что военная реформа была начата еще при царе Алексее Михайловиче, методы комплектования «полков иноземного строя» уже были опробованы, и Петру было достаточно закупить новые мушкеты и обучить рекрутов новой линейной тактике.

Странное сражение под Нарвой

Решение Петра начать войну со Швецией относится к числу тех же максималистских решений, что и запрет русской одежды. Оно было навеяно впечатлениями от поездки на Запад: царю не терпелось «прорубить» окно в Европу, «ногою твердой стать у моря», построить свой «Новый Амстердам» и завести флот. В действительности Россия давно имела «окно в Европу»; этим окном был Архангельск, который даже после постройки Петербурга долгое время оставался основным русским портом. С военной точки зрения нападение на Швецию было образцом иррационального мышления: в России не было качественного железа для производства мушкетов, а единственным поставщиком железа была Швеция.

Меди для легких полковых пушек в России также не было, и ее тоже привозили из Швеции (Хмыров 1865: 601; Струмилин 1954: 209).

После сражения под Нарвой Петр говорил, что новобранцы были плохо обучены: ему нужно было как-то объяснить поражение. Но истинная причина разгрома заключалась, по-видимому, в другом. После указов о брандиритии и запрещении национальной одежды у русских солдат были веские причины не любить своих немецких офицеров. Офицеры чувствовали себя неуверенно, многие из них еще не успели освоиться в новых условиях: стоит вспомнить о том, что герцог де Кроа был назначен командующим за день до начала сражения, он не знал своих офицеров и не владел русским языком (Масси 1996, т. I: 74).

Ни Петр, ни русское командование не ожидали, что шведский король осмелится атаковать вчетверо более многочисленную армию, находящуюся в укрепленном лагере. Однако сражение, разыгравшееся 20 ноября 1700 года, до сих пор приводит в изумление военных историков. Стоило шведам взобраться на земляной вал, как раздались крики: «Немцы изменили!» – и русские солдаты принялись избивать своих офицеров. «Пусть сам черт дерется с такими солдатами!» – воскликнул де Кроа и вместе с другими немецкими офицерами поспешил сдать в плен (Соловьев 1993а: 600–601). По-видимому, это был единственный случай в военной истории, когда командующий искал в плену спасения от своих солдат. По существу, то, что произошло под Нарвой, было продолжением стрелецкого бунта, проявлением традиционалистской реакции на реформы Петра – этот бунт произошел во время сражения со шведами и обеспечил им победу над многократно сильнее противником.

Таким образом, поразительная победа шведов была следствием «обратного порядка» петровских реформ. После битвы приближенные Карла XII советовали королю вторгнуться в Россию, поддержать приверженцев Софьи и воспользоваться недовольством стрельцов и черни, противящихся введению «немецких» обычаев (Там же: 602; Fryxel 1861: 91–98, 105). Карл XII был хорошо осведомлен о глубоком конфликте, расколовшем русское общество, но не воспользовался открывшимися возможностями.

Под Нарвой Россия столкнулась с армией, первой овладевшей новым оружием, армией, победы которой еще недавно отождествлялись с волной завоеваний, порожденной фундаментальным открытием. Своеобразие ситуации, однако, заключалось в том, что

в то время волна не угрожала России – шведская агрессия направлялась на Германию и Польшу, где в плане военной добычи война сулила большие перспективы. Россия, вероятно, стала бы объектом дальнейших завоеваний, но Петр сумел позаимствовать новое оружие до того, как его страна подверглась удару волны, и более того, сам напал на потенциального агрессора. Однако «странная победа» под Нарвой создала у гордых обладателей нового оружия обманчивое впечатление о неспособности «русских варваров» заимствовать их достижения.

Восстановление армии

Как бы то ни было, Россия получила передышку, и Петр смог приступить к восстановлению армии. После нарвского разгрома выяснилось, что Россия была совершенно не подготовлена к войне – не было ни пушек, ни ружей, ни шпаг, ни сукна для солдатской формы. Даже седла, палатки и сапоги пришлось первое время закупать за границей (Захаров 1996: 239). Под Нарвой была потеряна большая часть артиллерии – 177 пушек и мортир, и Петр решил на поступок, который многие сочли святотатством, – он приказал снимать с церкви колокола и переливать их в пушки. «Ради бога, поспешайте с артиллериею, как возможно: время яко смерть», – писал Петр «надзирателю артиллерии» Андрею Винуису; в ответ Винуис предлагал снять медную кровлю с кремлевских дворцов. Переплавка колоколов дала 90 тыс. пудов меди – это было очень большое количество металла: Англия, лидировавшая в середине XVIII столетия в выплавке меди, производила в год около 230 тыс. пудов. Из колокольной меди в 1701 году на Московском пушечном дворе было отлито 243 полковых пушки – и проблема с артиллерией была отчасти решена (Хмыров 1865: 615–616, 622; Соловьев 1993а: 604).

Петр не только снимал колокола с церкви. В январе 1701 года монастырские и церковные вотчины были взяты под управление государства, которое забирало все доходы, оставляя монахам лишь содержание по 10 (а потом по 5) рублей в год. Хотя эта реформа официально мотивировалась финансовыми соображениями, в действительности она дала государству лишь около 100 тыс. рублей в год – меньше 4 % от всех доходов. В секуляризационной реформе проявились протестантские настроения царя и его враждебное отношение к православной церкви. Ненависть царя к монахам была такова, что им запретили иметь письменные принадлежности;

в случае неуплаты «начетных» денег власти предписывали избивать архимандритов на правеже (Милюков 1905: 114, 118; Булыгин 1977: 74–77, 103). Это было проявление все того же максимализма, когда второстепенные преобразования выходят на первый план и порождают негативную реакцию на реформы.

Результатом такой политики было нарастание традиционалистской реакции, ненависть к царю со стороны церкви и широких масс православного населения. В 1707 году нижегородский митрополит Исая в ответ на очередное требование денег разразился гневной тирадой: «Как хотят другие архиереи, а я за свое умру, а не отдам... И так вы пропадаете, как червей, шведы вас побивают, а все за наши слезы и за ваши неправды...» (Соловьев 1993а: 323). В народе ходили слухи о том, что царь «подмененный», что он не русский, а немец, или даже что царь – «антихрист», воцарившийся перед концом света.

С точки зрения технологической концепции поражение от завоевателей, обладающих новым оружием («удар завоевательной волны»), должно было бы породить спешное перенимание их военной технологии. Такое перенимание действительно имело место: Петр срочно принялся переучивать свою армию с австрийского на шведский вариант линейной тактики, приоритет теперь отдавался штыковой атаке, и в армию вернули пикинеров. В действительности Петру не нужно было что-либо менять, потому что военная реформа была проведена заблаговременно, перед войной. В дальнейшем оказалось, что австрийский вариант линейной тактики эффективнее, и в 1730-х годах русская армия вернулась к «стреляющим линиям» (Гуннар 1999: 169; Леонов, Ульянов 1995: 28–29).

Большее значение имели мероприятия Петра в области военной организации. Для новой армии требовался многочисленный офицерский корпус. Петр полагал, что офицерами новой армии должны быть в основном дворяне – но для того, чтобы стать офицером, дворянин должен был сначала получить необходимое образование в «цифирных школах», а затем в качестве солдата пройти военное обучение в гвардейских частях. Перемены в военной технике обусловили коренные изменения в положении дворянства. Прежние полуграмотные всадники-рыцари, время от времени призываемые на войну, превратились в более-менее образованных пехотных офицеров, обязанных постоянно пребывать в полку. Гвардия стала корпорацией, выражающей интересы дворянства и способной оказывать военное давление на власть.

Другим важным следствием нарвского разгрома было создание военной промышленности – это был необходимый этап в процессе заимствований, непосредственно связанный с перениманием военной техники. Основы военной промышленности были заложены еще в период реформ Алексея Михайловича, но Петр намного увеличил ее мощь, построив металлургические заводы на Урале и оружейный завод в Туле.

Главная реформа Петра, его «ответ» на «удар волны» заключался в резком увеличении налогов. Установленные царем чрезвычайные налоги обычно не рассматриваются историками в плане реформ, но именно они вывели налоговое обложение на тот уровень, который впоследствии был закреплен введением подушной подати; поэтому в принципе можно говорить, что податная реформа была осуществлена сразу после разгрома под Нарвой. Мобилизация ресурсов является естественной реакцией на военную угрозу в любом обществе, но Петр сумел превратить этот мобилизационный уровень в постоянный, обеспечив тем самым средства для содержания регулярной армии. После петровских реформ налоги составлявших большинство населения поместных крестьян были в пять-шесть раз больше, чем при предшественнике Петра царе Федоре (Нефедов 2005: 142).

«Известно, что среди низших классов населения... распространено было крайне враждебное отношение к личности Петра и его деятельности, – писал Н. П. Павлов-Сильванский (1897: 1). – Жаловались больше всего на то, что... “крестьян разорил с их домами, мужей побрал в рекруты, а жен и детей осиротил”». Резкий рост налогов и повинностей привел к массовому бегству крестьян в южные области, на Дон, на Украину, в Сибирь. Бежали большими партиями, «многолюдством, человек по сту и более» (Заозерская 1958: 160). Правительство приняло жесткие меры, чтобы остановить это бегство, была введена паспортная система и создана цепь кордонов вдоль границ (Троицкий 1966: 118). В 1707 году была предпринята операция по возвращению беглых с Дона – в результате там вспыхнуло крестьянское восстание, и летом 1708 года войскам Петра I пришлось сражаться на два фронта: против вторгшихся в страну шведов и против собственных крестьян. В этой ситуации Петр предписывал карателям самые жестокие меры: «...людей рубить, а заводчиков на колеса и колья... ибо сия сарынь кроме жесточи не может унята быть» (цит. по: Анисимов 1989: 140).

Как бы то ни было, мобилизовав ресурсы страны и резко увеличив налоги, царь смог создать огромную, более чем 100-тысячную полевую армию. Карл XII не верил, что огромная русская армия овладела секретом нового оружия – он самонадеянно бросил свои войска в штыковую атаку под Полтавой, и на большей части фронта шведские линии не успели добежать до противника: они были сметены картечью полковых пушек (Энглунд 1995: 167).

Строительство Петербурга

Неслыханная до тех пор мобилизация сил привела к успеху; была создана мощная регулярная армия – и главная рациональная задача петровских реформ была решена. Казалось бы, можно снизить налоги и дать облегчение народу, – но царь рассуждал иначе. Началось время иррациональных решений. Петр считал, что, хотя война еще не закончилась, пришла пора заняться строительством Петербурга.

С экономической точки зрения это строительство было нелепостью: в руках царя уже находились Рига, Ревель, Нарва, так что у России вполне достаточно портов с готовой инфраструктурой. «Еще не имея ни Риги, ни Ревеля, он мог заложить на берегах Невы купеческий город для ввоза и вывоза товаров, – писал Н. М. Карамзин, – но мысль утвердить там пребывание государей была, есть и будет вредною. Сколько людей погибло, сколько миллионов и трудов употреблено для приведения в действие сего намерения? Можно сказать, что Петербург основан на слезах и трупах» (Карамзин 1991: 35).

О полной, «зазеркальной» нелепости происходившего говорит уже то, что поначалу Петр намеревался построить новую столицу не в устье Невы, а на острове Котлин. Был составлен проект строительства «Нового Амстердама» – каменного города, расчерченного сеткой каналов; люди должны были передвигаться по этому городу не в каретах, а в гондолах, как в Амстердаме. «Пылкий монарх с разгоряченным воображением, увидев Европу, захотел делать Россию – Голландию», – писал Карамзин (Там же: 36–37). Указом от 16 января 1712 года предписывалось переселить на Котлин тысячу дворянских семейств (всю высшую знать), тысячу купеческих и тысячу ремесленных семей (Луппов 1957: 25–26).

Таким образом, царь намеревался уехать из нелюбимой им «Московии», создать на островке в море «Новую Голландию» и переселить туда русскую знать (уже переодетую им в голландскую

одежду). Лишь появление у острова шведского флота удержало царя от реализации этого замысла: опасность того, что вся русская аристократия будет в один момент пленена шведами, была слишком очевидна. Тогда царь решил построить «Новый Амстердам» на Васильевском острове в устье Невы. В 1716 году десятки тысяч строителей приступили к осуществлению проекта Трезини и Леблона: остров должны были прорезать два главных канала, пересекавшихся с другими каналами поменьше. При каждом доме предусматривался внутренний двор, сад и пристань для хозяйской лодки-гондолы. В центре этой огромной водяной шахматной доски царь собирался построить новый дворец с обширным регулярным садом (Масси 1996, т. III: 46).

Сам по себе проект был не лишен изящества, но он осуществлялся во время войны, которая отнимала у народа все силы и средства. В 1710–1717 годах на строительство Петербурга ежегодно требовали по одному работнику с 10–15 дворов, в среднем по 35 тысяч человек в год. Подневольные рабочие шли в Петербург из всех областей – даже из Сибири, тратя на дорогу по несколько месяцев (Булыгин 1977: 142; Луппов 1957: 80). Французский консул де ла Ви свидетельствует, что две трети этих людей погибали на петербургских болотах (Луппов 1957: 94). Фельдмаршал Миних писал, что в Северную войну «от неприятеля столько людей не побито... сколько погибло при строении Петербургской крепости и Ладожского канала» (цит. по: Соловьев 1993в: 432).

Ненависть к Петру чувствовалась не только в народной среде, она проявлялась и в других сословиях. Дело царевича Алексея показало, что к недовольным примыкали широкие круги старомосковского боярства, включавшие и часть генералитета: князя Долгорукие, Нарышкины, Апраксины, Голицыны. Следствие не подтвердило наличие заговора, но раскрыло картину широкой оппозиции. Голландский и австрийский послы сообщали, что сторонники Алексея ставят перед собой четыре основные задачи: мир со Швецией, уход из Петербурга, отказ от регулярной армии европейского образца в пользу дворянской конницы и снижение налогов. Старые бояре, и в частности князь Я. Ф. Долгорукий, иногда брали на себя смелость открыто противодействовать введению Петром новых повинностей. Послы сообщали также и о враждебном отношении оппозиции к иностранцам (Там же: 100; Щербатов 1983: 20). Очевидно, что, подобно лозунгам стрелецкого мятежа, лозунги сторонников Алексея имели характер традиционалистской реакции.

Конфликт с собственным сыном показал всю глубину изоляции Петра, и царь, по-видимому, понял это. После смерти Алексея он остановил расследование, и подавляющее большинство замешанных в деле лиц избежали наказания (Щербатов 1983: 94; Анисимов 1994: 20).

Мечта о «регулярном государстве»

Возложив на крестьян тяжелые налоги, Петр тем не менее искренне считал, что его деятельность направлена на достижение «всеобщего блага». Однако император руководствовался при этом не старинной теорией православной монархии, в соответствии с которой царь должен «любить правду и милость и суд правой и иметь попечение от всего сердца о всем православном христианстве» (Полное... 2000: 248), а ее современным западным эквивалентом – учением о «регулярном полицейском государстве». Это учение опиралось не на религию, а на «культ разума», на веру в достижения науки и в то, что рациональная организация общества открывает бескрайние перспективы для материального и духовного прогресса. Наиболее известным представителем учения о регулярном государстве был немецкий философ Христиан Вольф, которого Петр собирался назначить президентом Петербургской академии (Копелевич 1974: 193). Вольф утверждал, что в целях достижения «всеобщего блага» государство должно регламентировать все стороны жизни граждан: принуждать их к работе, регулировать заработную плату, условия труда, цену товаров, поддерживать порядок и нравственность, поощрять образование, науки, искусства и т. д. (Богословский 1902: 16–18; Раев 2000: 6467). В конце XVII века теория регулярного государства получила широкое распространение, и ее принципами (иногда не вполне осознанно) руководствовались в своей деятельности шведский король Карл XI, «великий курфюрст» Фридрих Вильгельм, Людовик XIV и его министр Кольбер. Эту теорию часто отождествляют с европейским просвещенным абсолютизмом, который отличался от восточного самодержавия тем, что имел светский характер и, в согласии с теорией регулярного государства, руководствовался в своих действиях не религиозным идеалом, а «законами разума» и «общим благом» (Рейснер 1902: 2–5).

В соответствии с теорией регулярного государства Петр издавал множество указов, посвященных регламентации того или иного вида деятельности, к примеру, предписывалось ткать широкие хол-

сты, а не узкие, выделывать кожу салом, а не дегтем, строить крестьянские избы по приложенному чертежу, хлеб убирать не серпами, а косами. За 1718–1723 годы было выпущено 14 указов, регламентирующих постройку речных судов, и каждый указ сопровождался разъяснениями, зачем и почему. «Сами знаете, хотя что добро и надобно, а новое дело... то наши люди без принуждения не сделают», – такова была принципиальная позиция Петра, стремившегося «вразумить» свой народ (цит. по: Богословский 1902: 6). Но, конечно, Петр был далеко не всегда прав и иногда сам понимал это; во всяком случае, в указах о строительстве Петербурга царь не мог привести объяснений: зачем и почему...

Основным инструментом всеобщей регламентации и контроля было правильно организованное и четко функционирующее чиновничество (включающее в себя и полицию). Наука об управлении государственным хозяйством, в частности о правильной, коллегиальной, четкой организации чиновничества составляла часть теории регулярного государства и называлась камерализмом. Одним из примеров применения принципов камерализма была реформированная королем Карлом XI административная система Швеции; Лейбниц в письме к Петру сравнивал правильно организованное государство с точным часовым механизмом (Анисимов 1989: 42).

Для старинной русской приказной системы было характерно сосредоточение разных функций в ведении одного приказа или одного воеводы, отсутствие контролирующих инстанций и правильной системы оплаты чиновников. Многие дьяки жили «от дел», т. е. существовали на взятки и подношения просителей, и соответственно решение вопроса зависело от размера подношений. Петр решил наладить правильную администрацию, взяв за образец административную систему Швеции. «Увидев ясно беспорядок в управлении и царившее повсюду взяточничество, – писал прусский посол Фокеродт, – Петр I напал на мысль установить во внутреннем управлении царства, подобно военному делу, такой же порядок, какой был заведен в других европейских землях. Признавая шведов своими учителями в военном деле, он думал, что так же точно и их учреждения... можно с таким же хорошим успехом ввести в своем царстве. И до того допустил он собой овладеть такому предубеждению, что, не советуясь ни с кем, в 1716 году тайно послал одного человека в Швецию, дав ему множество денег, чтобы только достать наказания и правила тамошних коллегий...» (цит. по: Богословский 1902: 35). В соответствии с докладом, представлен-

ным ездившим в Швецию советником царя Г. Фиком, в 1717 году был издан указ о создании коллегий, а в 1719 году – указ о введении провинциальной администрации шведского образца (Анисимов 1997: 292).

С точки зрения технологической интерпретации заимствование административного устройства – это этап модернизации, следующий за перениманием военной инфраструктуры. В отличие от многих максималистских и несвоевременных начинаний Петра административная реформа представляется закономерным звеном в цепи преобразований. М. Богословский отмечал, что почти всем нововведениям Петра можно найти прообразы в допетровской России и «только заимствование иностранной администрации... было действительно новым, оригинальным явлением» (Богословский 1902: 26).

В целом этатизм Петра Великого пошел гораздо дальше теории регулярного государства. Всеобъемлющее государственное регулирование имело целью масштабное перераспределение ресурсов в пользу государства. Для крестьян это оборачивалось огромным увеличением налогов, паспортной системой и охотой на беглых, для дворян – тяжелой бессрочной службой, для духовенства – отнятием земель и богатств. Деятельность всех сословий была зарегламентирована так, что не могло и присниться Вольфу: разве мог немецкий философ помыслить о принудительном отрыве дворянских детей от семьи для обучения в школах? Такой масштаб государственного регулирования стал возможен потому, что Петр опирался на мощную этатистскую традицию, ведущую свое начало от создателей российского государства Ивана III и Ивана IV. Петр обновил созданную этими монархами поместную систему и создал на ее основе офицерский корпус новой армии. Таким образом, смысл реформ заключался не только в перенимании западных (в основном технических) новшеств, но и в обновлении старых восточных основ. Это был процесс *социального синтеза*, в котором внешние заимствования соединяются с традиционными институтами, образуя новое единство.

Кому нужно «окно в Европу»?

В целом Петр достиг своей цели, он создал могущественную империю, обладающую самой сильной армией в Европе. Что дало это народу, кроме налоговых тягот? Петр объяснял Северную войну желанием открыть торговлю с дальними странами, «дабы народ через то облегчение иметь мог». Мысль о развитии морской тор-

говли была также заимствована из Европы, и она занимала свое место в ряду мероприятий по перениманию европейских форм промышленности и торговли. Одним из основных элементов новой торговой политики был так называемый «каспийский транзит», обновленная Н. Витсенем старая идея о торговом транзите из Персии через Россию на Балтику. Приобретение балтийских портов и экспедиция в Персию, таким образом, были частью единого плана, и Витсен приложил все силы, чтобы помочь Петру осуществить этот план. Когда русские вышли на берега Невы, Витсен сразу же послал к Петру один из своих кораблей – это был тот самый первый корабль, который «царь-лоцман» самолично провел к Петропавловской крепости (Семенова 2009). Именно Витсен стоял за спиной компании Любса, в огромных количествах поставлявшей оружие для петровской армии в самый трудный дополтавский период. По сообщению датского резидента Г. Грунда, Петр полагал, что овладение персидской шелковой торговлей позволит окупить все издержки шведской войны (Полиевктов 1996: 524). В 1723 году Петр действительно направил войска в Персию и захватил «шелковую провинцию» Гилян. Хотя, казалось бы, все было рассчитано точно, оккупация Гиляна не дала ожидаемых выгод. Военные власти оказались неспособны организовать эффективное управление, доходы от шелковой торговли расхищались, войска потеряли боеспособность из-за косившей солдат малярии. В любом случае оккупация могла продолжаться лишь до тех пор, пока в Персии не появится сильный правитель, и с воцарением могущественного Надир-шаха России пришлось вывести свои войска. Попытка направить восточную торговлю через Россию закончилась ничем (Там же: 526–527).

Несмотря на эту неудачу, внешнеторговый оборот в 1725–1751 годах увеличился в два раза. Но что дала стране эта торговля? В Россию ввозились в основном предметы роскоши: тонкие вина, галантерея, шелковые ткани, сахар и прочее – народ не пользовался этими товарами, но был вынужден оплачивать их своим трудом. В обмен на никчемную роскошь Россия поставляла на Запад реальные ценности: пеньку, лен, парусину, железо. Торговля такого рода была очень выгодна друзьям Петра, голландским и английским купцам, но не России (Покровский 1947: 105).

В общем контексте мировой истории следует вспомнить, что XVIII век был временем, когда монополизировавшие торговлю морские державы пытались открыть для своих купцов новые страны и новые рынки, в особенности на Востоке. И в ответ на эту экс-

пансию многие страны Востока закрывали свои порты, потому что не желали обменивать свои товары на предметы роскоши или на опиум. Они не прорубали «окно в Европу», а, наоборот, заколачивали его.

Таким образом, возможен другой подход к проблеме, на фоне которого действия Петра представляются не столь уж логичными. Надежда получить выгоды от участия в мировой торговле оказалась призрачной, а в реальности Петр лишь открыл для западных купцов новые возможности в эксплуатации российских природных богатств. «Русские купцы сами мало вывозили за границу, – писал В. О. Ключевский (1937: 326), – и вывозная торговля оставалась в руках иностранцев, которые... по выражению одного иностранца же, точно комары, сосали кровь из русского народа и потом улетали в чужие края».

Война со Швецией была результатом легкомысленных увлечений петровской молодости, плодом обманчивых надежд. Однако это была еще не самая большая ошибка Петра Великого. Самой большой ошибкой было строительство Петербурга. Именно это строительство, проводившееся в разгар тяжелой войны и дорогостоящих реформ, привело к перенапряжению сил народа, и за перенапряжением в конце концов последовала катастрофа.

Голод 1723–1726 годов

Последние реформы Петра Великого оставляют впечатление ирреальности: император рассуждал о «всеобщем благе» в обстановке страшного голода. Многолетнее тяжелое бремя привело к истощению запасов хлеба в крестьянских хозяйствах, и с чередой неурожайных лет (1722–1724 годы) пришел большой голод. Летом 1723 года из провинций сообщали, что вследствие неурожая, бывшего два года сряду, крестьяне едят льняное семя и желуди, бывают по несколько дней без пищи, многие от того пухнут и умирают, иные села и деревни стоят пустыми (Соловьев 1993в: 475). Голод продолжался до самой смерти императора и еще год после нее. В июне 1726 года в Верховном тайном совете был поставлен на обсуждение вопрос, какие меры нужно принять «ввиду крайнего разорения крестьян». В представленных по этому поводу «мнениях» ближайшие сподвижники Петра говорили о «великой скудости крестьян», их «крайнем всеконечном разорении». Было решено в 1727 году снять третью часть подушной подати и учредить комис-

сию для учета умерших и исключения их из оклада (Павлов-Сильванский 1910: 379; Анисимов 1973: 339).

Комиссия, возглавленная Д. М. Голицыным, стала собирать по губерниям ведомости об убыли населения. В не полностью сохранившихся материалах комиссии не имеется окончательных данных по всей стране, но они приводятся в более позднем докладе Сената. В этом докладе утверждается, что из учтенных в 1719–1724 годах 5,5 млн. душ мужского пола к 1727 году было 199 тыс. бежавших и 733 тыс. умерших (Анисимов 1973: 339; Соловьев 1993б: 148). *Таким образом, царствование Петра I завершилось голодом, унесшим сотни тысяч жизней. Это не была «цена победы» – победа к тому времени была давно одержана. Это была цена модернизации.*

Традиционалистская реакция

В обстановке катастрофы власти были вынуждены принять меры для облегчения тяжести налогов. Подушная подать в 1727–1732 годах трижды сокращалась на одну треть, но в действительности сокращение было больше, так как подать собиралась с большими недоимками. В 1728 году была ликвидирована соляная монополия и понижена цена соли. После смерти Петра, при императрице Екатерине I, у власти находилась группа ближайших соратников преобразователя, возглавляемая князем А. Д. Меншиковым. Но в условиях кризиса, уменьшения налогов и отсутствия средств им не оставалось ничего иного, как начать демонтаж петровских учреждений. Армия чиновников, призванная обеспечить «всеобщее благо», была распущена – просто потому, что не было денег для ее содержания. Ряд изданных в 1727 году указов возвращал областную администрацию к допетровским временам, суд и сбор налогов были снова поручены воеводам, а дьяки, как и прежде, должны были иметь пропитание «от дел». Коллегии сохранились, но их штаты были сокращены втрое; осуществлявший контрольные функции институт прокуроров был уничтожен. В целом расходы на чиновничество к 1734 году сократились в два раза (Павлов-Сильванский 1910: 385–391; Троицкий 1966: 110).

Не было денег и на содержание флота. Расходы на флот в результате недоимок по сбору пошлин сократились на четверть. В 1727–1730 годах не было заложено ни одного линейного корабля. Между тем корабли, построенные Петром из сырого леса, вышли из строя – попросту сгнили. В 1731 году из 36 линейных кораблей в море могли выйти только 13, и лишь 8 из них были полностью бое-

способны (Петрухинцев 2001: 214, 328–329). Шведский посланник доносил в Стокгольм: «Русский галерный флот сравнительно с прежним сильно уменьшился; корабельный же приходит в прямое разорение» (цит. по: Бескровный 1958: 108).

Сократились и расходы на армию. В результате нехватки средств военные не получали установленного содержания. В январе 1727 года польский посол писал, что флот девять месяцев не получает ни гроша, а гвардия – около двух лет (Костомаров 1994а: 520–521). В 1727 году было разрешено две трети солдат и офицеров из дворян уволить в продолжительные (год и более) отпуска без сохранения оплаты; на службе рекомендовалось оставить лишь тех, у кого не было поместий и кто жил жалованьем. Была создана Военная комиссия для рассмотрения вопроса о сокращении штатной численности армии с целью уменьшения подушной подати (Соловьев 1993б: 575; Троицкий 1966: 41; Петрухинцев 2001: 142).

Таким образом, ближайшие соратники Петра стали проводить политику, противоположную идеям почившего императора. «Оказывается, главные деятели петровского времени не сочувствовали этим идеям», – с удивлением писал Н. П. Павлов-Сильванский (1910: 401). Соратники Петра убедились в невозможности сохранить результаты реформ и, чтобы спасти положение, фактически перешли на позиции традиционалистской реакции. Князь Меншиков, предав своих друзей, попытался заключить союз с партией старых бояр. Но запоздалые уступки не могли удовлетворить традиционалистов, и в конечном счете виднейшие соратники Петра оказались в ссылке.

После смерти Екатерины I, при юном императоре Петре II, к власти пришла партия старомосковского боярства во главе с князьями Долгорукими и Голицыными. Это была оппозиция, которая в свое время поддерживала царевича Алексея, но была вынуждена смириться из-за страха перед застенками Преображенского приказа. Первым делом новая власть уничтожила символ петровского террора – Преображенский приказ. Другим символом петровской политики был Петербург. «Петербург, – говорил князь Д. М. Голицын, – это часть тела, зараженная антоновым огнем; если ее впору не отнять, то пропадет все тело» (Костомаров 1994б: 551). В феврале 1728 года двор и государственные учреждения переехали из Петербурга в Москву. Жизнь Петербурга замерла, началось бегство из города дворян, купцов и мастеровых. Все строительные работы были остановлены, сотни недостроенных домов постепенно пре-

вращались в руины (Сомина 1959: 23). Но народ радовался решению Петра II. «Русские старого времени находили в нем государя по душе оттого, что он, выехав из Петербурга, перевел их в Москву, – свидетельствует К. Манштейн. – Вся Россия до сих пор считает его царствование самым счастливым временем из последних ста лет. Государство находилось в мире со своими соседями; служить в войсках никого не принуждали... вся нация была довольна; радость отражалась на всех лицах... Только армия и флот приходили в упадок...» (Манштейн 1998: 26). «Теперь больше не подрываются финансы этого государства ненужными постройками гаваней и домов, – писал прусский посол А. Мардефельд, – плохо усвоенными мануфактурами и заводами, слишком обширными и неудобноисполнимыми затеями или пиршествами и пышностью...» (Мардефельд 2000: 293).

Итак, через три года после смерти Петра Великого ко всеобщей радости налоги были уменьшены, Петербург был оставлен, флот сгнил, петровская администрация была распущена, армейские офицеры вернулись в свои деревни, а ближайшие соратники преобразователя оказались в ссылке. Модернизация Петра Великого в конечном счете вызвала волну традиционалистской реакции, которая свела на нет многие результаты реформ.

* * *

Что же осталось в итоге? Конечно, осталось то, без чего государство не могло существовать: петровская армия с ее линейной тактикой и новым дворянским офицерским корпусом – заимствования первой очереди. Полковые пушки и фузеи теперь в достаточных количествах производили на тульских и уральских заводах, и армия была обеспечена отечественным оружием. Из заимствований второй очереди уцелели лишь обломки петровской административной системы в виде коллегий и губерний. И, как это ни странно, сохранилось много третьеочередных заимствований: европейская одежда у дворян, черты европейского быта, европейская архитектура поместий. По-видимому, это было вызвано тем, что едва ли не основной упор в реформах Петра делался на преобразованиях именно в сфере внешней культуры и быта. Политика культурного онемечивания дворянства в конечном счете привела к глубокому расколу русской нации, к тому, что крестьяне считали своих господ то ли немцами, то ли французами. Это новое общество, состоящее из «двух наций», было результатом социального синтеза и модернизации по европейскому образцу.

Литература

- Алексеева, Е. В.** 2007. *Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.)*. М.: Наука.
- Анисимов, Е. В.**
1973. Материалы комиссии Д. М. Голицына о подати (1727–1730 гг.). *Исторические записки* 91: 338–352.
1989. *Время петровских реформ*. Л.: Лениздат.
1994. *Россия без Петра: 1725–1740*. СПб.: Лениздат.
1997. *Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века*. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Белов, М. И.** 1966. Россия и Голландия в последней четверти XVII в. В: Бескровный, Л. Г. (ред.), *Международные связи России в XVII–XVIII вв.* М.: Наука, с. 58–83.
- Бескровный, Л. Г.** 1958. *Русская армия и флот в XVIII веке*. М.: Воениздат.
- Богословский, М. М.**
1902. *Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–27 г.* М.: Имп. Общество истории и древностей российских при Моск. ун-те.
1946. *Петр I. Материалы для биографии*. Т. II. М.: Госполитиздат.
- Булугин, И. А.** 1977. *Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII века*. М.: Наука.
- Водарский, Я. Е.** 1993. Петр I. *Вопросы истории* 6: 59–79.
- Гуннар, А.** 1999. Карл XII и его армия. В: Возгрин, В. Е. (ред.), *Царь Петр и король Карл*. М.: Текст, с. 156 – 175.
- Даймонд, Д.** 2009. *Ружья, микробы и сталь: История человеческих сообществ*. М.: АСТ.
- Заозерская, Е. И.** 1958. Бегство и отход крестьян в первой половине XVIII века. В: Бескровный, Л. Г. (ред.), *О первоначальном накоплении в России*. М.: Изд-во АН СССР, с. 144–188.
- Захаров, В. Н.** 1996. *Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I*. М.: РОССПЭН.
- Каменский, А. Б.** 1999. *От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века*. М.: РГГУ.
- Карамзин, Н. М.** 1991. *Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях*. М.: Наука.
- Ключевский, В. О.** 1937. *Курс русской истории*. Т. IV. М.: Гос. соц.-эк. изд-во.
- Князьков, С.** 1990. *Очерки из истории Петра Великого и его времени*. М.: Культура.

Копелевич, Ю. Х. 1974. *Возникновение научных академий. Середина XVII – середина XVIII в.* М.: Наука.

Костомаров, Н. И.

1994а. Екатерина Алексеевна, первая русская императрица. В: Костомаров, Н. И., *Раскол*. М.: Смядынь, с. 469–529.

1994б. Самодержавный отрок. В: Костомаров, Н. И. *Раскол*. М.: Смядынь, с. 529–604.

Леонов, О. Г., Ульянов, И. Э. 1995. *Регулярная пехота: 1698–1801*. М.: АСТ.

Луппов, С. П. 1957. *История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века*. М.; Л.: Изд-во АН СССР.

Манштейн, К. Г. 1998. *Записки о России*. Ростов н/Д.: Феникс.

Мардефельд, А. 2000. Записка о важнейших персонах при дворе русском (1747). В: Лиштенан, Ф.-Д. (сост.), *Россия входит в Европу*. М.: ОГИ, с. 269–286.

Масси, Р. К. 1996. *Петр Великий*: в 3 т. Т. I, III. Смоленск: Русич.

Медушевский, А. Н. 1993. *Утверждение абсолютизма в России*. М.: Текст.

Милюков, П. Н. 1905. *Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого*. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича.

Нефедов, С. А.

2004. Первые шаги на пути модернизации России: реформы середины XVII века. *Вопросы истории* 4: 22–52.

2005. *Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России*. Екатеринбург: УГГУ.

Павлов-Сильванский, Н. П.

1897. *Проекты реформ в записках современников Петра Великого*. СПб.: Тип. В. Киршбаума.

1910. *Соч.*: в 3 т. Т. II. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича.

Петрухинцев, Н. Н. 2001. *Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривосточного курса и судьбы армии и флота. 1730–1735 гг.* СПб.: Алетейя.

Покровский, С. А. 1947. *Внешняя торговля и внешняя торговая политика России*. М.: Международная книга.

Полиевктов, М. А. 1996. Выход к морю. В: Куркчи, А. И. (сост.), *Мир Льва Гумилева. Каспийский транзит*: в 2 т. Т. 2. М.: Ди-Дик, с. 522–548.

Полное собрание русских летописей. 2000. Т. 12. М.: Языки русской культуры.

Пузыревский, А. К. 1889. *Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого*. СПб.: Тип. В. С. Балашева.

Раев, М. 2000. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII–XVIII веков: Попытки сравнительного подхода к проблеме. В: Дэвид-Фокс, М. (ред.), *Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период*. Самара: Самарский ун-т, с. 48–79.

Рейснер, М. А. 1902. Общественное благо и абсолютное государство. *Вестник права* XXXII (9–10): 1–128.

Семенова, М. 2009. Голландские мотивы. URL: <http://seamagazine.rmis.ru/interactive/semienova/gollandia.htm>

Соловьев, С. М.

1991. *Соч.*: в 18 кн. Кн. VII. М.: Мысль.

1993а. *Соч.*: в 18 кн. Кн. VIII. М.: Мысль.

1993б. *Соч.*: в 18 кн. Кн. IX. М.: Мысль.

1993в. *Соч.*: в 18 кн. Кн. X. М.: Мысль.

Сомина, Р. А. 1959. *Невский проспект. Исторический очерк*. Л.: Лениздат.

Струмилин, С. Г. 1954. *История черной металлургии в СССР*. Т. I. М.: Изд-во АН СССР.

Троицкий, С. Н. 1966. *Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке*. М.: Наука.

Хмыров, М. Д. 1865. Артиллерия и артиллеристы на Руси в единодержавие Петра Первого (1696–1725). *Артиллерийский журнал* 10: 586–628.

Щербатов, М. 1983. *О повреждении нравов в России*. М.: Наука.

Энглунд, П. 1995. *Полтава. Рассказ о гибели одной армии*. М.: Новое литературное обозрение.

Fryxell, A. 1861. *Lebensgeschichte Karl's des Zwölften, Königs von Schweden*. Braunschweig: F. Vieweg und Sohn.

Graebner, F. 1911. *Methode der Ethnologie*. Heidelberg: C. Winter.

Roberts, M. 1967. *Essays in Swedish History*. Minneapolis: University of Minnesota Press.